

Научная статья
УДК 340.15(470)
<https://doi.org/10.24158/tpor.2021.8.14>

Публичная власть в монархической России: политико-правовые основы и доктринальное толкование

Иван Владимирович Упоров

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия,
uporov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0906-5228>

Аннотация. В статье исследуется развитие института публичной власти в России монархического периода. Публичная власть, будучи важнейшим признаком государственности, рассматривается в широком смысле – как складывающиеся в государстве структуры, обладающие формальными и фактическими ресурсами издавать обязательные предписания для неопределенного круга лиц, обеспечивать их исполнение и соблюдение, в том числе мерами принуждения. Учитывая, что монархический период в России длился почти тысячу лет, в течение которых публичная власть реализовывалась через множество органов и должностных лиц, делаются предельно возможные обобщения, внимание акцентируется на выявлении основных тенденций трансформации публичной власти в двух аспектах – с точки зрения политико-правовых основ и научного толкования исследователями периода монархии. Отмечается, что в России с самого начала социальные отношения стали складываться в пользу приоритета личной власти монарха, и постепенно власть князя Древней Руси к рубежу XV–XVI вв., когда сформировалось централизованное Московское государство, становится неограниченной, самодержавной. Такое положение сохранялось и в дальнейшем – у российского императора.

Ключевые слова: публичная власть, монархия, самодержавие, князь, император, полномочия, абсолютизм, демократия

Для цитирования: Упоров И.В. Публичная власть в монархической России: политико-правовые основы и доктринальное толкование // Теория и практика общественного развития. 2021. № 8. С. 88–95. <https://doi.org/10.24158/tpor.2021.8.14>.

Original article

Public authority in monarchic Russia: political and legal fundamentals as well as doctrinal interpretation

Ivan V. Uporov

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia,
uporov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0906-5228>

Abstract. The development of the institution of public authority in Russia during the monarchical period is investigated. Public authority, as the most important feature of statehood, is viewed in a broad sense – as structures emerging in the state with formal and actual resources to issue binding instructions to an indefinite range of persons, ensure their implementation and compliance, including through coercive actions. Considering that the monarchical period in Russia lasted almost a thousand years, during which public authority was implemented through many bodies and officials, the utmost generalizations are made and attention is focused on identifying the main trends in the transformation of public authority in two aspects – in terms of political and legal foundations and scientific interpretation of the monarchy period by researchers. It is noted that in Russia from the very beginning social relations began to develop in favour of the priority of the monarch personal authority, and gradually the power of the duke of Ancient Russia by the turn of the XV–XVI centuries, when the centralized Moscow state was formed, became unlimited, autocratical. This position was retained by the Russian emperor later on. Public authority as an independent subject of scientific research began to be investigated relatively late, while at the beginning of the twentieth century, more and more scientists considered it necessary to limit the power of the monarch, but their proposals remained unanswered by the current government.

Key words: public authority, monarchy, autocracy, duke, emperor, empowerment, absolutism, democracy

For citation: Uporov I.V. Public authority in monarchic Russia: political and legal fundamentals as well as doctrinal interpretation // Theory and Practice of Social Development. 2021. No. 8. P. 88–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.24158/tpor.2021.8.14>.

Монархический период развития России охватывает обширнейший временной отрезок отечественной истории – почти тысячу лет (в вековом исчислении – с IX по XIX вв., в то время как республиканский период – всего лишь чуть более ста лет, с 1917 г.). Неудивительно, что за ты-

сячу лет российская государственность претерпела значительные трансформации, включая такой важнейший ее признак, как публичная власть. При этом важно заметить, что институт этой власти в рассматриваемый период был сформирован изначально, вместе с возникновением Древнерусского государства, в виде конкретных властных органов. Также в монархический период, но уже значительно позже – с развитием юридической науки, то есть с середины XIX в., публичная власть стала предметом научно-правовых исследований, и доктринальные толкования различных ее аспектов некоторым образом оказывали влияние на правотворческую и правоприменительную деятельность органов власти. Нужно отметить и то обстоятельство, что анализу видов, полномочий, порядку формирования органов публичной власти на всех этапах существования российской монархии посвящено значительное количество трудов ученых всех эпох – собственно монархической, а также советской и постсоветской (в числе авторов – Ю.Г. Алексеев, Е.Н. Дербин, А.Б. Гинцбург, Г.К. Жуков, А.А. Зимин, И.Г. Напалкова, К.В. Петров, О.А. Плотникова, А.Е. Пресняков, В.И. Сергеевич, В.К. Цечоев, Л.В. Черепнин и др.). В этой связи мы хотим акцентировать внимание только на тех особенностях и тенденциях политико-правового и теоретического характера, которые, на наш взгляд, имели наибольшее значение для развития института публичной власти монархической России, не касаясь подробного описания публичных структур и законодательных актов, регулировавших их статус.

Ввиду отсутствия достоверных источников, зафиксировавших состояние публичной власти в Древнерусском государстве, равно как и в целом государственности русской раннефеодальной монархии, включая период раздробленности удельных княжеств, исследователям приходится ограничиваться теми сведениями, которые содержатся в появившихся много позже летописях и списках ряда нормативно-правовых актов.

С образования Киевской Руси в русских княжествах органами власти на начальном этапе их развития являлись прежде всего сам князь и верная ему дружина. Со временем сыновья и другие родственники князя, а также служилые люди получали земли, которые трансформировались в вотчины, а ближайшие соратники князя получали боярский титул, при этом в удельных княжествах могли создаваться свои дружины, при необходимости вливавшиеся в княжеское войско. В целом в публично-властных отношениях доминировала военная составляющая, однако уже с XII–XIII вв. значение дружины в общественных процессах перестает быть решающим [1, с. 74–76]. Тогда же в жизни русского общества значительную роль начинает играть религия (византийская ветвь христианства), однако церковь в то время не претендовала на управление государственными делами.

В процессе развития раннефеодальной монархии имели место межкняжеские личностно-публичные конфликты, доходившие до физического устранения соперников, но они не меняли общей направленности развития публично-властных отношений.

На некоторых территориях публичная власть формировалась на основе выборности, с использованием элементов республиканизма, что наиболее наглядно проявилось в Великом Новгороде (с первой половины XII в.), где функционировало народное вече как представительный орган власти, а утверждаемые им князь и другие должностные лица являлись исполнительной властью (упоминания о вече встречаются также применительно к Владимиро-Суздальской, Псковской, Галицкой земле в XI–XV вв. [2]). Вместе с тем Новгородское вече в литературе оценивается весьма неоднозначно: с одной стороны, это «ключевой институт русского средневековья» [3, с. 5], «самая верховная власть» [4, с. 156], а с другой стороны – верховной властью было не вече, а княжеская администрация [5, с. 661], при этом вече представляло собой лишь «узкоклассовый орган» боярской аристократии [6, с. 50] и являлось не столько политическим институтом, сколько одной из политической сил [7, с. 48]. Такое разночтение (как и практически по всем аспектам развития Древнерусского государства) затрудняет понимание причин возникновения и упадка вечевой организации публичной власти в Древней Руси.

Тем не менее совершенно очевидно, что именно тогда стала укрепляться исходная публично-властная модель российской монархии в русских княжествах: князь-монарх, передающий свою власть по наследству; ближний круг лично преданных ему и им же определенных лиц; остальные чиновники, исполнявшие функции управления в разных сферах; назначенцы на местах (наместники). По мере «собираения» русских земель единоличная власть (а не власть княжеского рода-клана, как ранее) усиливалась уже в «большом», «великом» княжестве (царстве), которое становилось ядром централизованного государства. Соответственно, «межкняжеская конфедерация» трансформировалась в унитарное централизованное государство [8, с. 5–6]. И здесь речь идет прежде всего о великом князе Московском Иване III, который усматривал в «демократическом» вече опасную для себя политическую силу, что и предредило разрушению в 1470-х гг. Великого Новгорода как древнерусской республики.

Тем самым был задан вектор (пока только начальный) движения к последующему абсолютистскому государству и, соответственно, абсолютной власти монарха. Это видно и по трансформации организационно-правовых основ публичной власти. Если вначале, как отмечалось, имело место дружинное управление, то затем, с развитием социальных отношений (вероятно, с XII в.), при князе создавался «двор» – тогда еще примитивное смешение прообразов будущих «правительств» и совещательных органов (Боярской думы); управление становится дворцово-вотчинным (с позднейшей его заменой централизованной властью); в дальнейшем из «двора» формировались «дворяне» – привилегированные служащие, которые постепенно трансформировались в самостоятельное сословие. Из Русской Правды и других актов следует, что в древнерусских княжествах, помимо самого князя, имелись также такие должностные лица, как дворецкий, стольник, тиун, наместник, волостель, конюший, мечник и др., однако, кроме обозначения функциональной направленности деятельности (без четкого разделения полномочий), ясности в их правовом статусе было очень мало, что, впрочем, вполне объяснимо неразвитостью тогда еще права как социального регулятора. Особо следует отметить присущее такому положению отсутствие норм об ответственности за преступление против властных структур в течение почти всего периода Древнерусского государства.

С конца XV в. – начала XVI в. ситуация в России стала меняться. Как отмечает А.Е. Пресняков, происходила своеобразная «перестройка» общества, которая венчала процесс последовательного укрепления «старшего города» (Москвы), забирающего под свое «единодержавие», то есть под свою властвующую волю «младшие» и менее сильные города (княжества) под флагом «стародавней традиции старейшины среди русских князей», которому никто не может диктовать каких-либо условий; при этом целью был захват прежде всего власти, а уже затем – присоединение к Москве территории очередного русского княжества, для чего, в частности, пришлось основательно расшатать вотчинную систему – с тем чтобы свести к невлиятельному минимуму самостоятельность вотчинников [9, с. 409]. Все бояре, дети боярские, дворяне, то есть, по сути, вся аристократия, не говоря уже о прочих сословиях, теряла вольности и переходила в полную личную зависимость от государя. По мнению М.Н. Покровского, московское властное наследственное «единодержавие» закономерно вытекало из «феодалного хаоса» как необходимость определенного порядка, и такой процесс в разной степени имел место на всех европейских территориях [10, с. 41].

На наш взгляд, формированию централизованного Русского государства способствовал также внешний фактор: так, от Орды, очевидно, был заимствован принцип личной преданности властителю. Как пишет Д.Е. Краснянский, «Московская Русь оказалась наследницей степного деспотизма, а великий Московский князь – преемником татарского хана» [11, с. 27]. Считая такое суждение излишне категоричным, нельзя не согласиться с ордынским влиянием на формирование государственности Московской Руси уже только по тому факту, что зависимость от Орды имела место более двух веков.

Окрепшее в военно-экономическом отношении Московское государство (причина этого остается невыясненной) предприняло большой поход-возмездие с запада на восток, вплоть до Тихого океана (как ответ на совершенный ранее поход Орды с востока на запад), на обширных присоединяемых землях нужно было устанавливать и поддерживать нужный Москве порядок, а это было невозможно без единого мощного центра, управленческая сила которого доходила бы до самых до окраин, и такой государственно-властный центр сформировался в Москве.

Московский царь сам лично, непосредственно уже не командовал, например, военным походом, редко выступал судьей, отстранялся от решения многих управленческих функций, – для этих целей в Московском государстве формировался централизованный государственный аппарат, на ведущие должности в котором назначения осуществлял монарх, выбирая подходящих кандидатов в основном из числа бояр и дворянства. Госаппарат, в отличие от Древней Руси, уже представлял собой довольно сложное сочетание функциональных и территориальных органов публичной власти, посредством которых царь реализовывал внутреннюю и внешнюю политику, и такое сочетание стало с тех пор неизменной характеристикой российского государства. Возникают служебные отношения, в рамках которых учреждаются постоянно действующие органы и соответствующие должности, предназначенные для выполнения властных решений государя. Такой подход по своей сути сохраняется до сих пор (например, в ч. 1 ст. 11 Конституции России указываются федеральные органы государственной власти, для обеспечения деятельности которых имеется институт государственных служащих). Кроме того, К.В. Петров отмечает такое интересное явление, когда в органах управления начинают формироваться служебные отношения административной соподчиненности равных по сословной принадлежности чиновников, наделенных определенными властными полномочиями [12, с. 112], то есть отношения подданства и личного подчинения уже не в достаточной мере удовлетворяли властную элиту с точки

зрения эффективности управленческой деятельности, все больше ощущалась потребность в квалифицированных работниках, соответственно, профессионализм все чаще становился приоритетнее принципа сословности. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что уделы (частные владения) постепенно становились публично-территориальными образованиями (уездами) с назначаемыми государем наместниками.

С учетом всего этого в Московском государстве формировались и совершенствовались такие наделенные властными полномочиями органы, как приказы, возглавлявшиеся, как правило, боярами (Холопий, Земский, Ямской, Разбойный, Разрядный, Поместный, Сибирский, Казанский приказы и др.), деятельность которых обеспечивали должностные лица (дьяки, подьячие, недельщики и др.). На местах функционировали воеводства, включавшие в себя уезды. Назначаемые царем воеводы (те же бояре) управляли через приказные (съезжие) избы (палаты), губные и земские избы. Губные и земские старосты обычно утверждались в приказах, но с учетом мнения местных жителей. Назначение на должности целовальников, дьяков, сыщиков, палачей, сотских и других ответственных лиц губных и земских учреждений также происходило с опорой на общественное мнение. В любом случае все органы управления и назначенные лица в совокупности представляли собой жестко выстроенную вертикаль власти и выполняли волю «единодержца» – царя. Боярская дума как совещательный орган имела значение с точки зрения управления государственными делами (распределения управленческой нагрузки в высших эшелонах власти), но не с точки зрения самостоятельности властных полномочий. Это касается и земских соборов, которые созывались на сословно-представительной основе не иначе как по благоволению государя и не колебали абсолютистской власти царя. Дело в том, что царю лично управлять государственными делами, даже самыми важными, было все сложнее в силу их расширения, поэтому учреждение разного рода органов, в том числе совещательных, и обращение государя к их мнению было неизбежным. Нужно также учитывать, что члены Боярской думы являлись, как правило, представителями знатных родов, и царь не мог игнорировать их позицию, понимая, что отчуждение от Боярской думы ослабляло бы его положение в высших эшелонах власти. Подробное описание органов управления Московского государства дает, в частности, А.В. Чернов [13].

Развитие права в Московской Руси уже позволяло юридически закреплять определенные полномочия должностных лиц, например, в Судебниках 1497 и 1550 гг. А в крупнейшем правовом акте Московского государства – Уложении 1649 г. – был обозначен статус монарха. Так, во введении к Уложению указывалось: «Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец...» [14]. И далее многократно подчеркивается, что это Уложение создано по «государеву указу», который, посоветовавшись с отцом своим, с церковными иерархами, «со своими государевыми боярами», указал создать вот такой правовой акт, то есть Уложение, которое в проекте хотя и обсуждалось на Соборе и называется в литературе чаще всего как Соборное уложение 1649 г., но фактически появилось по личной воле государя, то есть властный абсолютизм демонстрируется здесь вполне. В Уложении уже четко определяются самые жесткие наказания за преступления против действующей власти, и в дальнейшем это будет характерной чертой самодержавия. К тому времени сложился и институт крепостничества, который, на наш взгляд, явился следствием абсолютистской формы правления.

Следует заметить, что последующий период развития российской государственности не изменил властной пирамиды. И даже кипучая деятельность Петра I, как ни покажется это парадоксальным, не повлияла на нее, поскольку в XVIII–XIX вв. можно говорить лишь о более системном государственно-правовом регулировании публично-властных отношений, в частности, в виде издания таких актов, как «Генеральный регламент», «Табель о рангах», «Инструкция, или Наказ воеводам», «О форме суда», «Учреждение для управления губерний», «Устав о благочинии, или полицейский» и др. Конечно, некоторые изменения в развитии публично-властных отношений в XVIII–XIX вв. связывались с учреждением Сената, Госсовета, министерств, других органов, которым монарх делегировал исполнение части властных полномочий, причем вынужденно, поскольку, как мы отмечали, объем властно-управленческой деятельности постоянно возрастал (и был уже не сравним с раннефеодальным княжеским управлением, где князь лично ведал почти всеми делами княжества). Кроме того, во второй половине XIX в. имели место реформы либерального характера, которые касались и местного самоуправления, но, подчеркнем еще раз, это не меняло сущности организации публичной власти в Российской империи, если иметь в виду ее самый обобщенный вид, – формально она оставалась абсолютной монархией вплоть до начала функционирования первой Государственной Думы 1906 г., притом что и ее полномочия сводились к минимуму.

И здесь нельзя не вспомнить известную фразу Петра I о том, что «Его величество есть самовластный монарх, который никому в своих делах ответа дать не должен, но силу и власть

имеет свои государства и земли яко христианский государь по своей воле и благомнению управлять» (арт. 20 Воинского устава 1716 г.). Тем самым законодательно очень четко была закреплена абсолютная публичная власть в Российской империи, причем эта формулировка развивает указанную выше норму Уложения 1649 г., и практически неизменной она оставалась в ст. 4 Основных государственных законов Российской империи (далее – ОГЗ РИ) [15] вплоть до смены государственного строя в 1917 г. Там же, в ОГЗ РИ в ст. 9 указывалось: «Власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского».

Как видно, характер публичной власти в России с XVI в. до начала XX в. оставался неизменным при всех трансформациях и усложнении государственного аппарата. Вместе с тем нужно иметь в виду, что, формально-юридически оставаясь обладателем абсолютной власти, российский император де-факто по указанной причине не имел личностно-физиологических ресурсов (как отдельный индивид) управлять многими сферами государственной жизни, и в этом смысле абсолютная власть императора ограничивалась окружающей его реальностью.

С начала XVIII в. публичная власть стала изучаться с научно-теоретических позиций – сначала как один из признаков государственности. Так, И.Т. Посошков полагал целесообразным расширять сословное представительство в органах публичной власти – в частности, назначать судьями людей из низких сословий, включая купцов, ремесленников и черносошных крестьян, поскольку, по его мнению, судьи-дворяне подвержены мздоимству [16, с. 37]. В.Н. Татищев считал, исходя из цели обеспечения безопасности, что для государств с обширной территорией наиболее подходящей является монархическая власть (в небольших странах возможна республика), но при этом должно быть двухпалатное законосовещательное собрание из представителей аристократии [17, с. 149].

К идее формирования публичной власти с опорой на «основательные законы» (по сути, акты конституционного характера) впервые применительно к России обратился депутат Уложенной комиссии М.М. Щербатов, считавший, не без влияния работ Монтескье и других европейских мыслителей либерального толка, что следует «непоколебимо» установить порядок престолонаследия, сформулировать права подданных, учредить «непременный совет» и «вышнее правительство» как представительные органы дворянства и купечества, с которыми должен взаимодействовать монарх [18, с. 42]. Но первым, кто резко критиковал монархию как форму публичной власти, был А.Н. Радищев, который писал о том, что единоличное правление выливается в деспотизм, и справедливой монархии не бывает, ибо самодержавие – это политический режим, «наипротивнейший человеческому естеству», это тирания. Соответственно в России целесообразно установить федеративное устройство (свободная федерация городов с вечевыми собраниями) и республиканскую форму правления, разделяемого на законодательную (народное собрание – «соборная народа власть есть власть первоначальная»), исполнительную (избираемые чиновники) и судебную власть (также избираемые судьи), при этом в законах должна выражаться воля народа, перед законом все должны быть равны, и в этом смысле крепостничество нарушало естественные, природные законы [19, с. 74–77].

Принцип народовластия являлся центральным также в программах революционно настроенных организаций и публицистов, преследуемых имперским правительством (декабристы, «Земля и воля», «Народная воля», А.И. Герцен, П.А. Кропоткин, С.Г. Нечаев и др.).

С конца XIX в. публичная власть исследуется уже как обособленный, самостоятельный предмет научно-правового анализа; появляются публикации ряда авторов, в том числе известных правоведов (в основном позднеимперского периода). И здесь необходимо прежде всего отметить Л.А. Тихомирова, который подробно исследовал институт власти – в целом, с консервативных позиций. Он особо подчеркивал важность изучения свойств публичной власти: «Желая дать себе ясный отчет о действии различных форм власти, мы вынуждены придти к выводу, что многое в этой области не только не общеизвестно, а даже никому не известно, и еще стоит перед наукой как вопрос нерасследованный и неразрешенный ... во многих существеннейших пунктах. Это обстоятельство лишь увеличивает теоретический интерес вопроса. Мы не можем сверх того забывать, что вопрос о власти, ее значении, форме и действии имеет всегда, а особенно в настоящее время, не один теоретический интерес, а глубоко затрагивает наши обязанности гражданина» [20, с. 15]. Будучи приверженцем психологической теории права, Л.А. Тихомиров исходил из того, что властные отношения возникают из свойства любого живого существа получать превосходство (осознаваемо или нет) над себе подобными и подчинять их себе, и человек здесь не исключение. В социуме власть, предполагающая принуждение, является основным условием общественной организации, и в этом смысле публичную власть следует расценивать как политическую аксиому, предполагающую, что «человеческое общество оказывается все соткано из разнообразнейшего сплетения всевозможных видов взаимной власти и подчинения» [21, с. 16]. Говоря о политико-властной структуре Российской империи, Л.А. Тихомиров выделяет такие категории, как «нация, верховная

власть и государство», в которых власть является связующим звеном, выполняя через государственные органы волю нации, и это звено может принимать разные формы. При этом общими признаками верховной власти являются постоянство, державность, непрерывность, священность, вездесущность, безответственность, и в этом контексте он полагал невозможным разделение властей – верховная власть нераздельна, ибо раздельность влечет за собой нежелательное противоборство властных частей и «создает опасность внутренних противоречий», а разделяться могут только органы государства для осуществления соответствующих функций (в этом отграничение верховной власти и правительства). По мнению Л.А. Тихомирова, монархия для России является оптимальным вариантом устройства верховной власти, поскольку в демократиях нет ничего выше воли народа, но народ фактически не правит, а в России есть нравственные начала, исходящие от православия, которые и должен поддерживать монарх. Вместе с тем необходимо постепенное обновление элиты путем выборов и привлечения к этому процессу крестьянства, которое когда-то, еще при вотчинном управлении, потеряло свою гражданственность, и в этот переходный период на высших должностях должны быть «лучшие представители старой бюрократии».

Указанные выше признаки российской монархической власти выделял также и А.Д. Градовский. При этом, касаясь вопроса о раздельности власти, он писал о том, что верховная власть нераздельна, но могут быть «посредствующие власти», которые, действуя от имени императора, в пределах предоставленных им полномочий самостоятельны, и такой подход, по его мнению, соответствует принципу разделения властей [22, с. 143].

К консервативному направлению следует отнести также работы М.Н. Каткова, К.П. Победоносцева, И.А. Ильина, К.Н. Леонтьева, П.Е. Казанского и др., которые, однако, характеристике публичной власти как отдельной категории уделяли меньше внимания.

Необходимость самодержавия обосновывал и Н.И. Черняев, причем не только идейными причинами («монархическая убежденность русского народа»), но и тем, что «Россия занимает громадную территорию, раскинутую в двух частях света и равную одной шестой части суши. На этой территории живет редкое население, стоящее, по меньшей мере, не на особенно высокой степени культурного развития. Нужна была сильная власть для того, чтобы сплотить эту территорию и это население в один крепкий политический организм. Если бы эта власть была ограничена парламентом или чисто республиканскими учреждениями, она не могла бы служить цементом для такой колоссальной державы, как Россия» [23, с. 162].

С рубежа XIX–XX вв. российская политико-правовая мысль о публичной власти все больше отходит от признания монархии оптимальной формой правления для России и развивается по либеральному вектору. Так, Г.Ф. Шершеневич, теоретически определяя государственную власть как способность властвующих навязывать свою волю подвластному сообществу и находя такую власть неограниченной, равно как и не подлежащей разделению на ветви (это лишь «абстракция», вытекающая из непонимания функционирования госаппарата), считал, что для России наиболее подходящей была бы конституционная монархия (республика противоречит русским историческим традициям) [24, с. 20, 34]. По мнению С.А. Котляревского, ОГЗ РИ после Манифеста 1905 г. и изменений 1906 г. (учреждение Госдумы) «принадлежат к классу писанных конституций», поскольку в области публичной власти наличествует «народное представительство». Однако степень народного представительства в общем объеме власти очень низка, и, соответственно, чрезвычайно высока степень верховного монаршего правления. Раскрывая понятие «самодержавности», включенной, как мы отмечали выше, в ОГЗ РИ, этот автор давал такое толкование самодержавной власти – это власть, которая служит источником для всякой другой власти в государстве, из чего вытекает, что монарху принадлежит высший учредительный авторитет. Такой подход подвергается С.А. Котляревским сомнению, поскольку «менее всего нам позволительно игнорировать фактор времени», ведь действительность меняется, значит, нужно подстраивать под нее и властные отношения. При этом для России «созидательное обновление» заключается в том, чтобы «привить к мощному многовековому стволу русской исторической государственности драгоценные плоды политического и культурного опыта западноевропейских обществ» [25, с. 155–156]. Схожие позиции можно обнаружить также в работах В.М. Гессена, Б.А. Кистяковского, М.М. Ковалевского, П.И. Новгородцева и др.

Однако сугубо научно-правовые исследования с начала XX в. встречаются все реже – начинались беспокойные времена, связанные с усилением революционного движения, а затем с Первой мировой войной. Политическая составляющая в разного рода публикациях перекрывала аргументы научного характера. В этом контексте все большую популярность получали сторонники возникшего в Европе марксистского учения, которое применительно к России развивали теоретики российской социал-демократии Г.В. Плеханов, В.И. Ульянов, П.Б. Аксельрод, Л.Г. Дейч и др. Из марксистов свои коммунистические воззрения, основанные на теории классовой борьбы, сумели трансформировать в мощную политическую организацию большевики во главе с

В.И. Ульяновым (Лениным), которые в октябре в 1917 г., вскоре после падения монархии (март 1917 г.) в лице Российской империи, совершили известную социалистическую революцию, исходя из своей концепции публичной власти: она должна принадлежать трудящимся, в авангарде которого – пролетариат, форма власти – советы, избираемые народом и составляющие в совокупности советскую республику. Своей необычайной организованностью и решительностью большевики внутри России задвинули далеко на задний план прочие политические структуры с иными концепциями, в том числе касающимися организации публичной власти.

Можно констатировать, что в монархический период России институт публичной власти с практической точки зрения с самого начала стал развиваться, исходя из приоритета личной власти монарха. К рубежу XV–XVI вв. с созданием централизованного Московского государства фактически была сформирована абсолютистская монархия, где монарх (великий князь, царь) стал обладать неограниченной властью, при этом функционировали органы совещательного характера (Боярская дума, земские соборы), а также многочисленные органы государственного управления (как функциональные, так и территориальные), которые, составляя в совокупности госаппарат, непосредственно проводили в жизнь политику монарха. В дальнейшем эта форма правления лишь совершенствовалась, что проявлялось, в частности, в ослаблении вотчинной системы, росте ответственности за преступления против государства.

Сложившаяся властная система по своей сути оставалась стабильной вплоть до начала XX в. – изменениям подлежало лишь организационно-правовое регулирование госаппарата, который вместе с усложнением социальных отношений и соответствующим увеличением управленческих задач неуклонно расширялся, приобретая все новые и новые формы (приказы, губные и земские избы, коллегии, Сенат, Госсовет, министерства, воеводства, губернские правления и т.д.), регулирование их статуса становилось более системным, достигнув определенного совершенства в годы правления Екатерины II. С теоретических позиций публичная власть стала изучаться в эпоху Петра I – тогда эта тема затрагивалась в единичных работах, но уже к рубежу XIX–XX вв. юридическая наука в России достигла значительных высот, публичная власть исследовалась в самых разных аспектах, при этом наметился приоритет мнений о целесообразности ограничения власти монарха, однако мысли ученых не были восприняты властвующей правящей элитой.

Список источников:

1. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. 256 с.
2. Древнейшие государства Восточной Европы (2004 год: Политические институты Древней Руси) / отв. ред. Т.В. Гимон, Е.А. Мельникова. М., 2006. 438 с. ; Несин М.А. Галицкое вече в 1229–1234 гг. // Русин. 2011. № 3 (25). С. 50–73.
3. Халявин Н.В. Новгородские вечевые собрания в отечественной историографии новейшего времени // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2005. № 7. С. 3–24.
4. Беляев И.Д. Рассказы из русской истории : в 4 кн. М., 1864. Кн. 2. История Новгорода Великого от древнейших времен до падения. 628 с.
5. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. 734 с.
6. Янин В.Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. 1970. № 1. С. 44–54.
7. Шевырин В.М. Грэнберг Й. Вече в летописях средневековой Руси. Исследование функций и терминологии. Гетеборг, 2004 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия: История. Реферативный журнал. 2006. № 3. С. 42–48.
8. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. 899 с.
9. Пресняков А.Е. Образование Великороссского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Пг., 1918. 458 с.
10. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1923. 251 с.
11. Краснянский Д.Е. Исторические предпосылки формирования гражданского общества в России // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2009. № 142. С. 24–29.
12. Петров К.В. Об условиях возникновения органов власти в Московском государстве в конце XV в. // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 1 (27). С. 106–116.
13. Чернов А.В. О классификации центральных государственных учреждений XVI–XVII вв. // Исторический архив. 1958. № 1. С. 195–201.
14. Уложение от 16.06.1649 г. // Полное собрание законов Российской империи : в 50 т. СПб., 1830. Т. 1: 1649–1675. № 7157/1649. С. 32–202.
15. Свод законов Российской империи : в 4 кн. СПб., 1910. Кн. 1: Т. 1–4. 1280 с.
16. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. 411 с.
17. Татищев В.Н. Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственным // Избранные произведения. Л., 1979. С. 146–152.
18. Сочинения князя М.М. Щербатова : в 2 т. / под ред. И.И. Хрущева. СПб., 1896. Т. 1. Политические сочинения. 556 с.
19. Радищев А.Н. Полное собрание сочинений : в 3 т. М. ; Л., 1952. Т. 3. Ранние труды по законодательству. 686 с.
20. Тихомиров Л.А. Единоличная власть как принцип государственного строения. М., 1897. 135 с.
21. Там же.
22. Градовский А.Д. Начала русского государственного права : в 3 т. СПб., 1875. Т. 1. 436 с.
23. Черняев Н.И. Заметки о монархических началах // Необходимость самодержавия для России : этюды, статьи и заметки. Харьков, 1901. С. 160–176.
24. Шершеневич Г.Ф. Общее учение о праве и государстве. М., 1908. 159 с.
25. Котляревский С.А. Юридические предпосылки русских основных законов. М., 1912. 217 с.

Информация об авторе

И.В. Упоров – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России, Краснодар, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?orgsid=7201.

Information about the author

I.V. Uporov – D.Phil. in History, PhD in Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?orgsid=7201.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.07.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.07.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 05.08.2021.